

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.0(092)

ББК 81.411.2-5

DOI 10.18522/1995-0640-2021-2-166-179

«РОСТОВСКИЙ ТЕКСТ» И КОНТЕКСТ ТВОРЧЕСТВА А. Т. АВЕРЧЕНКО 1918-1919 ГГ.

В.Д. Миленко

Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Россия

Аннотация. Автор статьи, опираясь на материалы архива А. Т. Аверченко, публикации прессы 1918–1919 гг. и другие источники, впервые воссоздаёт один из этапов беженской биографии писателя, связанный с Ростовом-на-Дону. Суммируются данные о его ростовских адресах и контактах, предпринимаются попытки объяснения проблематики фельетонов Аверченко в местной газете «Приазовский край» историческими реалиями и политическими задачами издания в тот момент. Доказывается важность ростовского периода для гражданского самоопределения писателя, на Дону впервые оказавшегося в эпицентре Белого движения и поддержавшего его.

Ключевые слова: *Аркадий Аверченко, «Новый Сатирикон», писатели-сатириконы, «ростовский текст», памфлет, фельетон, интервью, «Приазовский край», театр миниатюр «Гротеск», театр миниатюр «Дом артиста».*

Введение

Ростов-на-Дону занимает важное место в обширной географии жизни Аркадия Аверченко. Писатель не просто гостил здесь в начале своего беженского пути, в ноябре 1918 г. – январе 1919 г., но и впервые оказался в эпицентре Белого движения, к которому неизбежно выработывал политическое отношение. И если в Ростове, судя по материалам прессы, Аверченко ещё не высказывался в поддержку добровольчества (хотя и придерживался антибольшевистских взглядов), то переехав в родной Крым, заявлял об этом открыто. Этой позиции писатель никогда не переменит, она и приведёт его в эмиграцию.

Встреча с Ростовом в 1918 г. не была для Аверченко первой. Газеты сохранили анонсы его гастролей здесь, к примеру, 8 марта 1912 г. [Жуков, 1912, с. 23] и 17 января 1914 г. [Вечер Аркадия Аверченко, 1914, с. 11]. Местная газета «Приазовский край» иногда перепечатывала его фельетоны, однако о полноценном сотрудничестве писателя с этим изданием можно говорить лишь в связи с 1918-1919 гг. Выявленные на сегодня 26 публикаций этого периода переизданы нами в 11-м томе собрания

сочинений писателя издательства «Дмитрий Сечин» [Аверченко, 2015]. Это фельетоны, памфлеты, очерки, позволяющие обозначить «ростовский текст» в наследии сатирика, никогда ранее не привлекавший внимания исследователей. Что же касается контекста, то и он малоизвестен. В работах местных краеведов имя Аверченко нам встретилось лишь в обзорной статье Л. Ф. Волошиновой «Ростовский след Серебряного века» [Волошинова, 2013]. Некоторые факты по теме ранее приводились в нашей с А. Е. Хлебиной монографии «Аркадий Аверченко: Беженские и эмигрантские годы (1918 – 1925)» [Хлебина, Миленко, 2013, с. 80 – 99]. Однако с тех пор появились новые данные; их требуется ввести в научный оборот. В этом видится *актуальность* темы данной статьи. Мы считаем важным не только вернуть имя Аркадия Аверченко на литературную карту Ростова-на-Дону, но и наметить пути его увековечения.

Исследование и его результаты

Предыстория появления «короля смеха» на Белом Дону небезынтересна и во многих моментах не до конца ясна. Своеобразным её стартом можно считать скетч писателя «Ростов-на-Дону», напечатанный в № 18 (июльском) «Нового Сатирикона» за 1918 г. К тому времени Ростов, пережив не одну смену власти, вошёл в состав независимого Всевеликого Войска Донского и контролировался Донской армией генерала П.Н. Краснова (казаками) и немцами. Петроградцы смутно представляли себе жизнь отрезанного от них юга, питались слухами, которые и воссозданы в скетче. Рассказчик изумляется в трамвае жалобам ростовчанина: *«...вы можете представить, что я за эти семь месяцев в Ростове поочередно должен был сделаться: большевиком, казаком, опять большевиком, белогвардейцем, немцем, чертом и дьяволом! Я человек русский и хочу быть русским, а вместо этого большевики входят в город – и я должен быть большевиком, немцы – и я немец! Хорошо, что негры еще не входили... Ну как бы я сделался негром?!»* [Аверченко, 1918, с. 2].

Комически гиперболизируя конфликт, писатель доносит до нас свои тогдашние ожидания от встречи с Ростовом. Между ними и реальностью прошло четыре месяца. За это время большевики закрыли «Новый Сатирикон»: № 18 со скетчем «Ростов-на-Дону» как раз оказался последним. Аверченко искал пути выезда из Петрограда, частично опасаясь репрессий со стороны ЧК, частично стараясь поправить своё материальное положение. Кроме того, он привык проводить лето в Ахтырке под Харьковом вместе с гражданской женой, оперной певицей Е.Ф. Петренко, у её родных. А в 1918 г. они оба задержались, не могли выехать.

1(14) сентября 1918 г. писателю в Петрограде было выдано удостоверение на право проживания в пределах Российской республики сроком до 1 января 1919 г. [Хлебина, Миленко, 2013, с. 45]. Он просрочит этот документ именно в Ростове-на-Дону и обратно не вернётся.

Из Петрограда Аверченко прибыл в Москву, где уже собралась большая группа экс-сатириконцев. *«Все хотели уехать из Москвы – или на юг, или куда-нибудь, но только не оставаться здесь»*, – вспоминал

А.С. Бухов, соредактор Аверченко по «Новому Сатирикону» [Киянская, Фельдман, 2015, с. 373]. Также Бухов рассказывал, что планировалось создать театр-кабаре «Сатирикон» где-нибудь на юге, в Москве набиралась труппа, однако затея провалилась. На самом деле Аверченко от этих планов не отказался; об этом ниже.

Гастроли писателя по югу организовало Театральное кооперативное товарищество А. И. Гришина, М. Я. Муратова и А. В. Полонского. 12 (25) сентября 1918 г. ростовский журнал «Театральный курьер» сообщил, что Муратов прибыл в Ростов, а Полонский везёт Аверченко из Москвы в Баку через Саратов: *«Из Баку они предполагали пробраться на Дон. До сих пор никаких сведений от них не поступало»* [Хроника, 1918, с. 11].

Благодаря «Воспоминаниям» (1932) Тэффи, которая выехала из Москвы вместе с Аверченко, известно, что не было ни Саратова, ни Баку, а проследовали они через Унечу, далее через нейтральную зону – в Гомель, а оттуда поездом до Киева. Этот маршрут подтверждал и Аверченко в памфлете «Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко» (1921). Его же он вспоминал в «Автобиографии», написанной в 1923 г. для чешского читателя:

«Уехал я в Киев – большевики добрались до Киева.

– Ехать так ехать, – сказал я и отправился в Харьков; коммунисты за мной; я из Харькова в Ростов – они за мной» [Аверченко, 2011, с. 49].

На самом деле передвижения Аверченко объяснялись не политической, а условиями гастрольного контракта. Лишённый своего журнала, он полностью отдался театральной деятельности и, как говорили тогда, «подписал на юг» на зимний сезон 1918-1919 гг.

Писатель приехал в Киев не позднее 30 сентября (12 октября), так как на следующий день о его появлении сообщила местная пресса [Наши шаржи, 1918, с. 1]. Дважды выступив в Соловцовском театре, Аверченко добрался в Ахтырку и оставил там жену. Затем он наездами бывал в Харькове, где выступал в Большом драматическом театре и участвовал в открытии «Дома артиста» на ул. Сумской, 19. Так была реализована идея кабаре на юге.

18 (31) октября ростовский «Театральный курьер» поместил первый анонс вечеров юмора Аверченко в Асмоловском театре: 25 – 26 октября (6 – 7 ноября) [Хроника, 1918, с. 10]. К этой дате писатель прибыл в Ростов. Адрес, по которому он остановился, пока не установлен. Материалы его записной книжки позволяют предположить, что это была квартира, а не отель. На такой вывод наводит следующая заметка «на память»:

«Левый ящ<ик> втор<ой> снизу – 2 ключа

В черн<ой> больш<ой> записн<ой> книжке

Сообщить в бюро, что передавал на зиму Свободин

Больш<ая> Садовая 13 кв. 3 2 этаж» [Хлебина, Миленко, 2013, с. 82].

Имени проживающего рядом с записью нет; вполне возможно, что это собственный адрес Аверченко (дом не сохранился). Тем более что

он полностью укладывается в биографическое пространство. Напротив, в доме № 18, была редакция «Приазовского края», а в доме № 14 – редакции и конторы «Театрального курьера» и других изданий. Можно предположить, что в этом же районе работал и ресторан, куда, по словам фельетониста «Приазовского края» В. З. Швейцера, Аверченко сразу по приезду пригласил коллег: *«Зеркала ресторана услужливо повторяли внушительную фигуру человека в отличном смокинге, галстуке с пластроном и в лакированных башмаках. Проездом на юг Аверченко остановился на день в Ростове и устроил пышный обед для литераторов. У него было лицо именинника, когда с истинным воодушевлением и знанием дела он заказывал блюда к обеду – лицо человека с большим аппетитом к пище, к женщинам, к славе»* [Швейцер, 1966, с. 6].

Схожий эпикурейский портрет писателя набросал ростовский врач Л. Фридланд, увидевший его в театре «Гротеск»: *«Плотный мужчина впереди меня беспрестанно хохотал. Его лицо кого-то напоминало. Конферансье к нему обращался: – Аркадий Тимофеевич. Наконец я догадался. Это был Аверченко»* [Фридланд, 1926, с. 25].

Конечно, писатель мог просто заглянуть в «Гротеск», открывшийся на Большом (ныне Ворошиловском) проспекте, 18/18 19 октября (1) ноября 1918 г. Однако и совпадение его появления в городе с этим открытием, и знание его биографии (см. выше о харьковском «Доме артиста») позволяют предположить, что он имел финансовое отношение к этому начинанию. В частности, конферансье «Гротеска» А. Г. Алексеев был его другом.

Портреты же, нарисованные Швейцером и Фридландом, расходятся с тем впечатлением, что писатель произвел на ростовчан, пришедших на его вечера юмора. Так, один из рецензентов отмечал, что зал Асмоловского театра был полон, принимали гостя горячо, но было как-то не весело: *«Сам Аверченко... и он не спасся от трещины, и в его смехе уже слышится желчь»* [Ренэ, 1918, с. 8]. И далее:

«Не знаю, почему, но на этом вечере лежала какая-то тёмная тень. Юмор не долетал до сердца, он застревал где-то в пространстве. В зале слышался смех, но не видно было улыбки.

Виноват ли тут Аверченко, артисты или мелькнувшие вдруг призраки прошлого, а может быть грядущего – не знаю» [Там же].

Берёмся объяснить этот отзыв тем, что писатель во время выступлений избегал злободневности: читал свои дореволюционные рассказы, актёры разыгрывали его дореволюционные же пьесы. На Дону конца 1918 г. это смотрелось странно и несовременно, что отметил и рецензент вечера в Нахичевани, состоявшегося 12 (25) ноября в Городском театре:

«Странное чувство испытывал зритель на вечере юмора, когда слушал и смотрел пьесы и рассказы Аркадия Аверченко.

Чем-то старинным повеяло от этих верных и точных изображений той жизни, которой мы жили еще совсем недавно, и которая уже стала нам такой чуждой и далекой. Слегка тронутые кистью художника, эти мимолетные отражения прежнего быта поблекли вместе с ним, и на-

прасно мы будем стараться воскресить их; они мертвы и уже ничего не говорят нашей памяти.

<...> Такой же оттенок старинности чувствовался в речи автора, медлительной, лишенной резких повышений и нервности, в его спокойных манерах, во всей его фигуре, проникнутой степенностью и чопорностью прежнего Петербурга» [Б. П., 1918, с. 15-16].

«Смехотворец всея Руси.

А. Т. Аверченко». Шарж работы Л. Кудина. «Донская волна». 18 ноября 1918 г. № 23. Републикуется впервые.

«Оттенок старинности» запечатлел и шарж на Аверченко «Смехотворец всея Руси» Л. Н. Кудина, напечатанный в «Донской волне» 18 ноября (1 декабря) 1918 г. (см. рисунок). Заостряя архаичность манер писателя, художник изрядно его состарил, наградив залысинами и морщинами. Между тем Аверченко, судя по фотографиям, в то время выглядел вполне соответственно своему 38-летнему возрасту.

Для смягчения остроты шаржа в том же выпуске «Донской волны» был помещен восторженный экспромт «Аркадию Аверченко» Якова Гальского, не разочарованного «отражениями прежнего быта»:

*«Остро смеется без помех...
И опьяняет этот звонкий
"Весёлых устриц" юмор тонкий
И бурно пенящийся смех.
Но фон российский не забыт
В его волнующих рассказах,
И – снова кружево в алмазах –
В каскаде смеха плачет быт.
Люблю, как тонкие духи,
Его таланта острый радий,
И имя звучное Аркадий
Вплетать в певучие стихи»* [Гальский, 1918, с. 16].

С таким же восторгом отозвался о вечерах Аверченко известный журналист и драматург П. Т. Герцо-Виноградский («Лоэнгрин»), стилизовавший рецензию под ироническое письмо в редакцию «Театрального курьера»:

«Знаете ли, господин редактор, меня страшно заинтересовал Аркадий Аверченко. Вот как вышел он на сцену, так сразу и заинтересовал. Я все время смотрел на него. Хотя он ни разу не взглянул на меня.

Ну, хотя бы раз. Ни разу. Прежде всего, меня заинтересовал его хорошо сшитый фрак. По фраку встречают, по уму провожают. А тут и встречали, и провожали и по фраку, и по уму. На то и Ростов, чтобы не делать разницы между внешним и внутренним. Что касается меня, я только встретил его по фраку, а потом и провожал все время по уму. Ибо фрак, ну, сколько он теперь может стоить даже по нашим дорогим мануфактурным ценам? Тысячи две-три? А ум разве можно оценить в такую жалкую сумму?» [Лоэнгрин, 1918, с. 2].

И ниже:

«Читал он хорошо. Прекрасно читал. Я слушал и думал:

- Недаром он Аркадий. В Аркадии, наверное, и родился. Тысячи Петров и Сидоров вокруг. А Аркадий только один. Да и то – приезжий» [Лоэнгрин, 1918, с. 3].

Таким образом, впечатления были разные, а разочарованные отзывы до Аверченко несомненно дошли. Об этом можно судить по интервью с ним, напечатанном в «Театральном курьере» 10 (23) ноября 1918 г. В числе прочего писатель ответил на упрёки в несовременности: *«Грубый, но наглядный пример того, как трудно драматургу писать. Написана пьеса из жизни полицейского пристава, который получил взятку в 25 руб. и купил жене на эти деньги ботинки. Но в то время, когда драматург передал пьесу в переписку, пристав превратился в милицейского, комиссара, вартового, взятка вырастает до 1000 руб. и ботинки скачут вверх соответственно»* [Натов, 1918, с. 6].

Это интервью интересно тем, что Аверченко – вопреки его обычному балагурству – был в ответах серьёзен. Дискуссии о будущем русской литературы он назвал «трефовым разговором без определённых очертаний», скорбел по своему погибшему журналу и неизбежно переходил к политике: *«– Я их (большевиков. – В. М.) очень люблю за то, что они закрыли и разорили мой “Сатирикон”, за то, что они хотели меня умирить голодом, давая 203 лота хлеба на месяц, за то, что они превратили прекрасный Петербург в зловещую аравийскую пустыню, за все это самое пылкое чувство любви и восторга пылает в моей груди к ним»* [Там же].

С этим-то «восторгом» Аверченко и пришёл на страницы «Приазовского края». Первый же его памфлет «Прыжок матроса Ковальчука», напечатанный 7 (20) ноября 1918 г., был построен на развернутом сравнении русской революции с безрассудным поступком черноморского матроса, поразившим писателя в юности. Во время визита французского корабля в Севастополь иностранные гости демонстрировали акробатические номера делегации от Черноморского флота. Некий матрос Ковальчук решил не отстать, взобрался на мачту и вдруг сорвался, успел схватиться за верёвочную петлю на рее и, свесившись вниз «как червяк на древесной ветке», с перекошенным от ужаса лицом, крикнул французам: *«– А так ты можешь, сволочь?!»* [Аверченко, 2013, с. 26]. Сейчас, по мысли автора, те же ковальчуки являют миру революционное «чудо российское», на которое иностранцы взирают *«задрав головы, полные ужаса и изумления»* [Там же, с. 27]. Ибо то, что некогда получилось у французов, в России стало посмешищем.

Прочитав этот фельетон, штатные сотрудники «Приазовского края» (тот же Швейцер), вряд ли обрадовались заезжему конкуренту. А для редактора А. Б. Тарховского, разумеется, он был желателен во всех смыслах. Что же касается самого Аверченко, то зная его дальнейший путь и посмертную судьбу, отметим серьёзность этого шага. «Приазовский край» в то время служил рупором власти, причём власти военной, сформированной в условиях гражданской войны и ведущей вооружённую борьбу. Это другой уровень ответственности, нежели тот, что был у писателя в «Новом Сатириконе».

Однако он не задумывался о последствиях, потому что был уверен в недолговечности Советской власти. Именно этим он закончил упомянутое выше интервью, отвечая на вопрос, не хочет ли возродить свой журнал на юге: «... *начинать дело на один-два месяца я считаю бессмысленным, а больше этого срока большевики никак не продержатся. Тогда, конечно, старый “Сатирикон” возродится в Петербурге с большой силой и энергией*» [Натов, 1918, с. 6].

Эти и другие его печатные высказывания сразу были замечены «по ту сторону». 1 (14) февраля 1919 г. «Известия» сообщили, что Аверченко на Белом Дону *«нагоняет строчки на тему о большевиках»* [Хлебина, Миленко, 2013, с. 83]. Позже эта и другая информация будет политически осмыслена и увенчается ленинским ярлыком *«озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца»* [Ленин, 1921, с. 2].

Аверченко же на страницах «Приазовского края» благодарил ростовчан за порядок и достаток. Пережив петроградский голод, он особенно остро ощущал разницу между адом, которого избежал, и раем, в который попал. Поэтому делился тем, что в Петрограде из продуктов остался один лавровый лист («Салат из булавок»), что заколочены все рестораны, а под бывшим рестораном Палкина умирают от голода бывшие чиновники, бывшие кадеты и бывшие студенты («Мои ночи»). В свою очередь Ростов обретал у Аверченко некие пиршественные коннотации, представлял пространством ресторанов и кафе, где есть белый хлеб, котлеты, жареный картофель. И, главное, всего этого – много.

Максимальной выразительности антитеза большевистского ада и донского рая достигла в фельетоне «Конец Андрюши Перескокина». Герой фельетона, беженец с говорящей фамилией, «перескоком» (т.е. слишком быстро) попадает из Совдепии на Дон. По мысли автора, его нужно было сначала поддержать в каком-то «предбаннике, нечто вроде карантина», постепенно приучить к мысли, что ему больше не нужно ничего запасать. Этого не сделали, поэтому Андрюша бежит по ростовскому раю и хватается всё без разбору. Покупает двадцать фунтов бечёвки («*Купил на всякий случай. У нас ведь в Москве бечевки совсем нет*»), антисоветские газеты («*Эй, мальчик, что несешь? Газеты. Это не советские? Ну, дай тогда десять штук. Что, одинаковые? Это, брат, неважно, зато всю правду узнаю. Все десять и прочту*») [Хлебина, Миленко, 2013, с. 86 – 87]. Позже рассказчик видит Андрюшу едущим по Большой Садовой на возу с сеном («*купил Андрюша сено очень дешево, совсем даром*»): в одной руке – жареный гусь, в другой – бутылка водки («*а у нас в Совдепии за водку – расстрел!*») [Там же]. Не веря себе, несчастный горланит «Боже, царя храни!», а закончил он в сумасшедшем доме «*в компании Наполеона Бонапарта, стеклянного человека и человека-петуха <...> Андрюша уже приторговался к нему... Ведь в Совдепии петухов давно не видели...*» [Там же].

У фельетона «Конец Андрюши Перескокина» интересная судьба. 9 (21) января 1919 г. его перепечатала киевская газета «Вечерние отклики» с одной поправкой: на возу с сеном Андрюша ехал по Крещатику. В 1923 г. злоключения героя вошли в сборник Аверченко «Записки Простодушного. “Я в Европе”. Турция – Чехословакия» под названием

«Русский беженец в Праге» (воз с сеном ехал по «одной из окраинных улиц Праги») [Аверченко, 1992, с. 229].

Сама жизнь предоставляла возможность таких замен: сатирически схваченный писателем тип встречался ему повсеместно. Однако впервые Андрюша появился всё-таки в Ростове-на-Дону, хотя упоминание Большой Садовой – единственная в тексте примета пространства. Такой была художественная установка Аверченко: его интересовали характеры, а не фон. Не скроем и того, что он преследовал коммерческие цели: нередко, меняя в тексте привязку к местности и название, писатель переиздавал одно и то же в разных изданиях.

Иногда он ничего не менял. Например, фельетон «Люди за столом под пальмой» был напечатан и в «Приазовском крае», и в симферопольском «Таврическом голосе». Названием Аверченко зрительно очертил тип спекулянта, особую, по его словам, «зоологическую разновидность», что «избирает для своего пребывания полутемные, сырые, пропитанные табачным запахом места, уставленные липкими столиками и парой покосившихся пыльных пальм» [Аверченко, 2015, с. 104]. Писатель призывал не вешать спекулянта, а отправлять его на принудительные работы. А в фельетоне «Сказание о спекулянте» называл адрес в Ростове, по которому искать эту разновидность: кафе «Амбир» (ныне ул. Большая Садовая, 92) [Аверченко, 2015, с. 60].

Сотрудничество писателя с «Приазовским краем» продолжалось до лета 1919 г. Покинув Дон, он присылал материал из Крыма до тех пор, пока не стал пайщиком севастопольской газеты «Юг». Полагаем, имя Аркадия Аверченко должно быть вписано в историю газеты и, возможно, увековечено мемориальной доской на бывшем здании её редакции по ул. Большой Садовой, 18. Благо в городе ведутся дискуссии о его реставрации и дальнейшем использовании.

Работа в «Приазовском крае» формировала определённый ростовский круг общения писателя. Кроме уже упоминавшегося редактора Тараховского, назовём владельца газеты (а также Асмоловского театра) купца Б. А. Гордона, чьё имя сохранила записная книжка Аверченко [Хлебникова, Миленко, 2013, с. 95]. Что же касается чиновничества, то писатель вряд ли был вхож в серьёзные круги Донской армии, тем более что они располагались не в тыловом Ростове, а в Таганроге и Новочеркасске. Тем не менее, его вспоминал военный прокурор Донской армии полковник И. М. Калинин: «Здесь преподносил публике свои юморески неунывающий Аверченко» [Калинин, 1926, с.]. А по Петербургу писатель был знаком, к примеру, с командиром 1-й Донской пластунской бригады полковником С. А. Траилиным (он был композитором; в его операх в петроградском Театре музыкальной драмы участвовала Е.Ф. Петренко, жена писателя).

Косвенно – о личном знакомстве данных пока нет – Аверченко оказался связан и с тогдашним ростовским градоначальником, полковником Донской армии К.М. Грековым. Тот, по многочисленным свидетельствам, порой издавал приказы, напоминавшие фельетоны. Живший в то время в Ростове В.А. Амфитеатров-Кадашев в дневнике восклицал:

«... асколько пристало представителю государственной власти соперничать с Аркадием Тимофеевичем?» [Амфитеатров-Кадашев, 1996, с. 538]. А бывший сатириконец С.Я. Маршак, писавший фельетоны для екатеринодарской газеты «Утро юга», шутил:

*«Не назначишь для Ростова
Городничего простого.
Подавай администратора
С дарованьем литератора...
Выбор пал - доносит радио –
На Аверченко Аркадия...»* [Канавщиков, 2014].

Какие-то особые отношения связали писателя и с семьёй виднейшего местного политика – кадета В.Ф.Зеелера. В архиве Аверченко представлена открытка, датированная 17 января 1919 г. На лицевой стороне – рисованный портрет писателя с автографом: *«Скорая встреча в Петербурге – общие воспоминания. Дорогому Аркадию Тимофеевичу – Валя Полити»* [Миленко, 2010, с. 191]. На обороте – шуточная анкета, смысл которой пока не ясен. В числе прочего в ней упоминается дочь Зеелера Люся:

*«Прославился через кого-нибудь? – Да.
Через женщину? – Да, как Вы угадали?
Она живет в Ростове? – Да.
В желтом доме? – Да.
Люся Зеелер? – Да.
Аркадий Аверченко? – Да, да!
Хорошему „до Р. Х.“ и милому „после Р. Х.“»* [Там же].

С Полити, молодым художником, рисовавшим шаржи для «Театрального курьера» и «Донской волны», Аверченко встретится уже в эмиграции, в Праге. Что же касается намёка на душевное состояние Люси, то, возможно, его следует объяснить её крайней политизированностью. Об этом говорит майское письмо 1918 г. Люси Зеелер генералу С. Л. Маркову: *«Я девушка, мне 19 лет. Но это для меня не имеет значения: ведь теперь все должны, да, должны помогать общему делу. Если Вы найдете возможным, примите меня к себе в “корниловский” отряд. Я буду делать все, что Вы прикажете»* [Гагкуев, 2014].

Пока неизвестно, чем привлёк такую девушку юморист Аверченко. В любом случае его близкое знакомство с семьёй Зеелер подтверждается и другими данными, как и его тесное сотрудничество с кадетами (в Петербурге Аверченко писал для их газеты «Речь», а в Крыму, непосредственно после пребывания на Дону и Кубани, печатался в кадетском симферопольском «Таврическом голосе»).

В конце ноября 1918 г. благополучное течение ростовской жизни закончилось. В Германии произошла революция – немцы начали покидать город. С Украины пошли слухи о восстании Петлюры и к середине декабря – о захвате петлюровцами Харькова. Судя по всему, Аверченко отрезало от Ахтырки (т. е. от жены), потому что в фельетоне «В омуте вранья» он ощутимо озабоченно осуждал эти слухи: в Харькове немцы...

нет, большевики... нет, там Марков-второй и восстановлена монархия... Писатель призывал к здравому смыслу:

«...Я ничего не опровергаю: может быть, в Харькове и большевики; может быть, и немцы; может быть, петлюровцы или махновцы... а может быть (чем черт в России теперь не шутит!) – и монархисты с Марковым во главе.

Я только хочу сказать, что если бы даже все это и было так, то об этом никто толком не знает, а все высасывают свои сенсации из праздного пальца» [Аверченко, 2015, с. 52 – 53].

Писатель доносит до нас отголоски разговоров о том, что восстание Петлюры – тот же большевизм, что Петлюра пришёл к власти, потому что Украина большевизмом ещё не переболела («Борьба с бациллами»). Аверченко предлагал скорее «сделать прививку»: подпалить пару домов под аккомпанемент пулеметных очередей, расклеить повсюду большевистские декреты, вроде *«Вход на базарную площадь без мандата от исполкома карается расстрелом»* [Аверченко, 2015, с. 63]. Охота болеть отпадёт сама собой.

Несмотря на тревожную обстановку, в первых числах декабря 1918 г. Аверченко выступал в Городском театре Таганрога. «Приазовский край» сохранил один эпизод этого вечера: когда писателя уговаривали задержаться и выступить ещё раз, он помахал «Таганрогским вестником», процитировал оттуда косноязычную заметку и заявил: *«Мне приятно быть и оставаться там, где я все-таки что-нибудь значу. А в Таганроге пишут лучше меня»* [Аверченко, 2015, с. 616]. Этот анекдот вместе с тем и бытовым эпизод из жизни Таганрога, в котором в тот момент шла напряжённая работа по удержанию порядка после ухода немцев. Атаману Всевеликого Войска Донского генералу П. Н. Краснову предстояло идти на сближение с командующим Добровольческой армией генералом А.И. Деникиным.

Таганрог ещё не раз встретится в фельетонах Аверченко. Например, через полгода, живя в Севастополе, он рассказывал, как некий человек сообщил ему о его собственной смерти:

«Я с вполне понятным интересом обернул лицо к незнакомцу.

- Кто умер?!

- Аверченко умер, Аркадий. Очень жалко. В Таганроге.

- Вы наверное знаете, что он умер?

- Как сейчас вас вижу.

- От чего же он умер?

- А как же: от сыпного тифа. <...>

- Нет ли тут какой-нибудь ошибки?

- Хорошая ошибка! Я сам даже за его гробом шел.

- Вот уж мне этого никогда не удастся, - грустно пробормотал я.

- Были бы в Таганроге, так удалось бы» [Аверченко, 2015, с. 151].

Новогодние праздники 1919 г. писатель, по его собственным словам, встречал опять же в Ростове-на-Дону:

«...первое (после отъезда из Петрограда. – В.М.) Рождество праздновал в Ростове, второе через несколько дней буду праздновать в Севастополе...

А третье... Гляжу я сейчас на карту Европейской России и думаю: какой из южных городов я осчастливилу на Рождество своим присутствием?» [Аверченко, 2015, с. 190].

Третье беженское Рождество Аверченко встретит в Константинополе, о чём в тот момент и помыслить было сложно. Пока же он с обычным юмором воссоздавал реалии пошатнувшейся жизни и политической чехарды. Так, в фельетоне «Искусство грабить» Аверченко сравнивал человека, решившего пробраться из Москвы на Дон или в Крым, с загнанным бизоном, от которого будут отхватывать по куску все кому не лень. Сначала красноармейцы, потом петлюровцы, махновцы, под Мелитополем какой-то «учитель Опанасенко» – и всё во имя высокой идеи [Аверченко, 2015, с. 68]. Персонажи «Нового быта» обсуждают отключения света, повальный грабёж на улицах, захват петлюровцами Екатеринослава, из-за которого в Ростов не привозят сахар. Ростовчанка жалуется, что нет сладу с младшими братьями: *«Колька объявил себя петлюровцем, Гришка на коммуниста тянет. Сеничка за единую Россию, а Вовка махновцем объявился»* [Аверченко, 2015, с. 78]. Две светских болтушки из фельетона «О чем щебетала ласточка» не могут понять, на какой политической платформе стоят петлюровцы и махновцы, и сходятся в том, что грабят и те и те: *«Мой знакомый Васищев – в одном пенсне из Харькова приехал»* [Аверченко, 2015, с. 82]. Перебивая друг друга, щебетуны уверяют, что Новороссийск уже занят, точно занят, только неизвестно кем.

На самом деле Новороссийск по-прежнему контролировался Добровольческой армией, которая именно в январе 1919 г., слившись с Донской армией, образовала Вооружённые силы Юга России (ВСЮР). В том же январе 1919 г. Аверченко отправился гастролировать по Кубани. Точное время его отъезда из Ростова неизвестно, однако его можно определить по косвенным данным. Открытка от Валентина Полити, о которой шла речь выше, датирована 17 января 1919 г. Содержание дарственной надписи – пожелания скорой встречи в Петербурге – позволяет предположить, что Аверченко и Полити как раз расставались. А 20 января (2 февраля) 1919 г. в «Приазовском крае» был напечатан очерк Аверченко «Стальной народ» – восторженная хвала железнодорожникам, что восстановили сообщение, пускай даже за счёт пассажиров, покупающих вскладчину уголь. Берёмся предположить, что отъезд из Ростова состоялся 17 – 18 января (30 января – 1 февраля) 1919 г.

Заключение

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

- пребывание Аркадия Аверченко в Ростове-на-Дону в ноябре 1918 – январе 1919 гг. было связано с его гастрольной деятельностью;
- в числе выявленных адресов писателя особо следует отметить здание бывшей редакции газеты «Приазовский край» по ул. Большой Садовой, 18;
- На Белом Дону писатель впервые оказался в эпицентре гражданской войны и его официальное сотрудничество с «белыми» органами власти следует расценивать как серьёзный политический шаг;

- публикации Аверченко в газете «Приазовский край» 1918 – 1919 гг. (выявленные на сегодня 26 фельетонов, памфлетов, очерков) позволяют обозначить «ростовский текст» в его наследии;

- проблематика этих публикаций обусловлена историко-политическими (гражданская война) и бытовыми (спекуляция, инфляция, разруха, остановка железнодорожного сообщения и т.д.) реалиями того времени.

Ростовский период биографии Аркадия Аверченко, как и беженский в целом, представляет значительный интерес в плане анализа этапов политического самоопределения писателя и по-прежнему нуждается в пополнении фактографии. Работу в этом направлении, безусловно, следует продолжить (в частности, вести поиск недостающих пока публикаций в «Приазовском крае»).

Литература

Аверченко А.Т. (1992). Записки Простодушного. М.: Книга и бизнес, 1992. 365 с.
Аверченко Аркадий (1918). Ростов-на-Дону // Новый Сатирикон. № 18. С. 2–3.
Аверченко А.Т. (2011). Русское лихолетье глазами «короля смеха». М.: Посев. 427 с.

Аверченко А.Т. (2015). Собр. соч.: в 13 т. Т. 11. Подготовка текста и примечания В.Д. Миленко. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин». 716 с.

Амфитеатров-Кадашев Владимир (1996). Страницы из дневника // Минувшее. № 20. С. 435–637.

Б. П. (1918). Вечер юмора Аркадия Аверченко // Театральный курьер. 1918. № 16. С. 15–16.

Вечер Аркадия Аверченко (1914) // Театр и жизнь. 22 января.

Волошинова Л. (2013). Ростовский след Серебряного века // Ковчег. № 2(39). [Электронный ресурс] // URL: <https://litbook.ru/article/4069/> (дата обращения 20.02.2021).

Гагкуев Р. Семья генерала Маркова: [Электронный ресурс] // URL: <https://rusk.ru/vst.php?idar=66644> (дата обращения 20.02.2021).

Гальский Я. (1918). Аркадию Аверченко // Донская волна. № 23.

Жуков К.Р. (1912). Ростов-на-Дону (От нашего корреспондента) // Журнал искусства и сцены. № 25.

Калинин И.М. (1926). Русская Вандея. М.; Л.: Гос. изд-во. 359 с.

Канавицков А. Сатирический дар Маршака: [Электронный ресурс] // URL: <http://smi60.ru/newspaper/article/view/id/18245> (дата обращения 20.02.2021).

Киянская О.И., Фельдман Д.М. (2015). Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х–1930-х годов. Портреты и скандалы. М.: ФОРУМ. 448 с.

Ленин Н. (1921). Талантливая книжка // Правда. 22 ноября.

Лоэнгрин (1918). Аркадий Аверченко, актеры и я // Театральный курьер. № 15. С. 7–8.

Миленко В. (2010). Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия. 327 с.

Натов Мих. (1918). У Аркадия Аверченко (Интервью) // Театральный курьер. № 15.

Наши шаржи (1918) // Зритель. № 33.

Ренэ (1918). Вечер юмора – Аркадия Аверченко // Театральный курьер. № 14.

Фридланд Л. (1927). 10-ть месяцев. Л.: Издание «Красной газеты». 229 с.

- Хлебина А. Е., Миленко В. Д. (2013). Беженские и эмигрантские годы Аркадия Аверченко (1918 – 1925). М.: Изд-во «Дмитрий Сечин». 543 с.
 Хроника (1918) // Театральный курьер. № 3. С. 11.
 Хроника (1918) // Театральный курьер. № 12. С. 10.
 Швейцер В. З. (1966). Диалог с прошлым. М.: Искусство. 166 с.

References

- Averchenko A.T. (1992). *Notes of the Simple-Minded*. Textbook. Moscow, Kniga i biznes. 365 p. (In Russian).
 Averchenko Arkady (1918). Rostov-on-Don. *Novyy Satirikon*, no. 18, pp. 2-3 (In Russian).
 Averchenko A.T. (2011). *Russian Bad Times in the view of "Laughter King"*. Textbook. Moscow, Posev, 427 p. (In Russian).
 Averchenko A.T. (2015). *Collection Works in 13 vols. Vol. 11*. Textbook. Moscow, Dmitriy Sechin. 716 p. (In Russian).
 Amfiteatrov-Kadashev Vladimir (1996). Pages from the diary. *Minushee*, no. 20, pp. 435-637 (In Russian).
 B.P. (1918). Evening of the humour by Arkadiy Averchenko. *Theatre courier*, no. 16, pp. 15-16 (In Russian).
 Chronicles (1918). *Theatre courier*, no. 3, p. 11. (In Russian).
 Chronicles (1918). *Theatre courier*, no.12, p. 10. (In Russian).
 Evening of Arkadiy Averchenko (1914). *Theatre and life*. 22 January. (In Russian).
 Fridland L. (1927). *10 months*. Textbook. Leningrad, Krasnaya gazeta. 229 p. (In Russian).
 Gagkuev R. *Family of the general Markov*. Available at: <https://rusk.ru/vst.php?idar=66644> (accessed 20.02.2021). (In Russian).
 Galskiy Ya. (1918). To Arkadiy Averchenko. *Donskaya volna*, no. 23, p. 16 (In Russian).
 Hlebina A.E., Milenko V.D. (2013). *The refugee and emigrant years of Arkadiy Averchenko (1918-1925)*. Textbook. Moscow, Dmitriy Sechin, 543 p. (In Russian).
 Kalinin I. M. (1926). *Russian Vandeya*. Textbook. Moscow; Leningrad, Gos. izd-vo. 359 p. (In Russian).
 Kanavshchikov A. *Satirical talent of Marshak*. Available at: <http://smi60.ru/newspaper/article/view/id/18245> (accessed 20.02.2021). (In Russian).
 Kiyanskaya O. I., Feldman D. M. (2015). *Essays on the History of Soviet Russian literature and journalism of the 1920s-1930s. Portraits and scandals*. Textbook. Moscow, FORUM. 448 p. (In Russian).
 Lenin N. (1921). Talented Book. *Pravda*. 22 November.
 Loengrin (1918). Arkadiy Averchenko, actor and I. *Theatre courier*, no. 15, pp. 7–8. (In Russian).
 Milenko V. (2010). *Arkadiy Averchenko*. Textbook. Moscow, Molodaya gvardiya, 327 p. (In Russian).
 Natov Mih. (1918). At Arkadiy Averchenko (Interview). *Theatre courier*, no. 15, p. 6. (In Russian).
 Our caricatures (1918). *Viewer*, no. 33, p. 1. (In Russian).
 Rene (1918). Evening of humour – Arkadiy Averchenko. *Theatre courier*, no. 14, p. 8. (In Russian).
 Schweitzer V. Z. (1966). *Dialogue with the past*. Textbook. Moscow, Iskustvo, 166 p. (In Russian).
 Voloshinova L. (2013). Rostov footprint of the Silver age. *Kovcheg*, no. 39. Available at: <https://litbook.ru/article/4069/> (accessed 20.02.2021). (In Russian).

Zhukov K. R. (1912). Rostov-on-Don (From our correspondent). *Journal of art and stage*, no.25, p. 23 (In Russian).

Viktoria D. Milenko (Sevastopol, Russian Federation)
“Rostov Text” and Context of A.T. Averchenko’s Creativity between 1918-1919th

The author of the article for the first time refers to a little-known period in the biography of the writer-humorist A.T. Averchenko, who visited the Don in 1918-1919th. Cooperating with the local newspaper “Priazov Region”, Averchenko created a multi-genre “Rostov text”, which now numbers 26 publications and served as the material for the study. The biographical context allows to recreate publications in the magazines “New Satyricon”, “Theatrical Courier”, “The Don Wave”, the writer’s archive, memoirs of his contemporaries, etc.

The relevance of the topic of the article is due to both the need for a scientific study of the biography of the emigrant writer and the tasks of literary local history, in particular, the possible perpetuation of Averchenko’s name in Rostov-on-Don (for example, with the memorial plaque on the building of the former editorial office of “Priazov Region”).

Having indicated the characteristic feature of Averchenko’s creative path – touring activities – the author of the article sets the dates of his concerts in Rostov-on-Don in 1912, 1914, 1918, names the addresses (Asmolovsky theater, cafe “Empire”, theater “Grotesque”, etc.) and contacts in the civil and military spheres of the city. For the first time Averchenko’s way from Petrograd to the south in 1918 is reconstructed in details, the reasons of his departure from the capital are in many ways illuminated in a new way, little-known data about his wife, opera singer E.F. Petrenko are introduced into scientific circulation. The reviews of the Averchenko’s Rostov concerts of humor are analyzed. Particular attention is paid to the civic self-determination of the writer, who for the first time found himself in the epicenter of the White Movement on the Don and supported it. Averchenko’s further social activities in Crimea are largely characterized as a logical continuation of the Rostov period, which together explains the reasons of his emigration.

Key words: *Arkadiy Averchenko, «New Satyricon», satiricon writers, «Rostov text», pamphlet, feuilleton, interviews, «Priazov Region», miniature theater «Grotesque», miniature theater «House of the Artist».*

Сведения об авторе / Information about the author

Миленко Виктория Дмитриевна – канд. филол. наук, доцент кафедры «Русский язык и русская литература» Севастопольского государственного университета, г.Севастополь, Россия. E-mail: vika-milenko@yandex.ru

Viktoria D. Milenko – Ph.D. of Philology, Associate Professor, Sevastopol State University. Sevastopol, Russian Federation. E-mail: vika-milenko@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 25.02.2021, принята к публикации 15.04.2021.
The article was submitted 25.02.2021, accepted for publication 15.04.2021.*